

Общая чуж.-2000.-12 окт.-с.10.

Цех цехом, а дух духом

ИЗ НОВОСТЕЙ: вышла в «Вагриусе» изящная, в глухо-серебристом переплете и с рисунком Эрдмана на обложке, книга **Анатолия МАРИЕНГОФА**. Серия – «Проза поэта». Писатель (1897–1962) штучный (был он из лидеров имажинизма, но цех цехом, а дух духом: всегда уникален), образность интеллектуально-лихая. Прежде его штудировали исключительно слависты (ученые) и знать не знали славяне (читатели). Разве что краем соцреалистического уха слышали про «Роман без вранья» – автобиографическую прозу, – где вдохновенный до захлеба, но документально сосредоточенный очевидец пишет с короткого расстояния начало 20-х,

мятущегося Есенина, а также Шершеневича, Клюева и прочих. Эта мемуаристика незаменима как свидетельство (тот же мариенгофолобивый «Вагриус» недавно выпустил ее всю – плохо, что без комментария), как и бытописание, и творческая студия. Даром что А. Архангельский сразу выдал пародию, назвав ее «Вранье без романа»: уже в названии – сатира не столько на отдельный текст, сколько на целый жанр... И вот перед нами вымышленная проза писателя: «Циники» (1928) и «Бритый человек» (1929) – о чем? О трагикомическом веществе жизни, об абсурде раннесоветской яви, каковой (абсурд) Мариенгоф учуял одним из первых, о детстве, чья память лечебна навеки, и о празднике буден вопреки жалкой тщете. Метод – цветастая ирония-фантазия. Язык таков, что затертые слова либо преобразуются за счет парадоксального соседства, либо, сливаясь, создают неослово. Моя подруга-немка сейчас переводит (именно переводит – как за руку через дорогу) эту прозу С – НА. Задача, как сказал бы Мариенгоф, взбеспорядоченная. То вам «журчеек», то герой, который «подвнутился к Достоевскому», то смачное словцо «средневеке», которое поди передай со всеми оттенками (и 50 лет, и мрачная консервативность, и срединность как серость)... Итак, для переводчиков – крепкий орешек, а для просточитателей – сласть, не утратившая свежего веселого смака и мудрости. Здесь, как у реки, есть второй берег, который, по Мариенгофу, важнее, чем тот, где стоишь. Его нельзя терять из виду – «то лесистый, то оскуделый, то пышный и кудрявый, как рококо».